

Иван Яковлев

Это лето

Иван Яковлев

Это лето

«Десятая Муза»

2018

УДК 82.1
ББК 84

Яковлев И.

Это лето / И. Яковлев — «Десятая Муза», 2018

ISBN 978-5-907122-00-0

Книга рассказывает о не простых днях на Южном курорте России. Приключение и неудачи меня самого и даже больше. Надежда на любовь и её потеря, головокружение, 12 дней на грани реальности, записки сумасшедшего поэта, чья влюблённость в мир оказалась невероятно тяжела и опасна, и потому саморазрушение наконец находит его и открывает в нём ящик Пандоры. 12 дней лета, посреди холодной осени и 5 дней любви, нефтяным отпечатком на поверхности некогда чистого озера. Что было уже не вернуть, и плохие поступки, плохие и хорошие люди на моём пути, останутся только на страницах этой книги.

УДК 82.1
ББК 84

ISBN 978-5-907122-00-0

© Яковлев И., 2018
© Десятая Муза, 2018

Содержание

1	6
2	7
3	10
4	12
5	15
6	17
7	19
8	21
9	23
10	25
11	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Иван Яковлев

Это лето

© Иван Яковлев, 2018

1

– Лапиков! – крикнул мне мастер.

Я обернулся, оставив свой шлифовальный станок без дела.

– Иди, тебя начальник участка вызывает. – сказал он.

– А что случилось? – спросил я, потянув за рубильник, и вырубив ток.

– Не знаю, сказал что бы ты срочно зашёл.

Мастер был обыкновенный и заурядный рабочий человек, которому уже за сорок. Время брало своё, он уже не гнался за красным столом, наверху в канцелярии завода. Задница его уже начинала виснуть, а спина вылазила кверху. Нормальная реакция, на тех кто вкалывает.

Начальник участка был у себя:

– Вызывали? – спросил я, зайдя в кабинет.

– А Лапиков, да давай заходи. – он открыл папку и достал несколько чистых листов. И положил передо мной ручку.

– Увольняете? – спросил я, чувствуя как у меня немеет под языком.

– Ты сколько уже лет, здесь работаешь? – спросил он.

– Семь лет будет. – ответил я, нервничая и комкая в руках сигареты.

– Не мало знаешь, не мало. Да ты садись, чего вспотел то?

Он открыл второе окно у себя в кабинете. Август удался самым жарким, за всё лето. Цеха били и работали, время шло, и скоро близился обед.

– Семь лет, человек трудиться на нашем заводе, семь лет.

А мы ему не разу не давали путёвки на море. Это как понимать то?

Если бы я мог ожидать другой расклад событий, я бы и не переживал, однако увольнение с путёвкой на море, мало чем конкурировали в моей тревоге. Начальник ткнул вентилятор на столе.

– Во общем даём мы тебе путёвку, на две недели. Отдохнёшь, наберёшься сил, всё равно в отпуск уходишь. Будет что вспомнить, найдёшь себе там самочку и будешь с ней кружиться. Гляди ещё и женишься.

Он засмеялся и подал мне оригинальные листы формуляра.

– С 1 сентября по 12, а там приедешь как кот. Чего вспотел то? Чего глазами захлопал? Пора взрослеть, и жениться, а то так и будешь ходить лопухом.

Я был не согласен.

– У меня свои дела в отпуске, – начал отговариваться я. – Да и не с кем мне ехать, а один я не хочу. Идите вы куда подальше со своим морем.

Я кинулся к дверям, и вышел наружу, словно из кипятка бросился в лёд, и ошпаренный до конца дня не мог прийти в себя.

– Что он тебя вызывал? – спросил мастер в душевой.

– Да, так, на море дают путёвку. – я уже почти уходил, почти неизвестный, с секретом в голове и полотенцем в руках.

– Куда, куда? На море? А ты что? – мастер подошёл голый ко мне, потряхивая своим инструментом и вытирая спину.

– Мне некогда, да и желания нет, – ответил я.

– Ничего себе, желания нет. Тут уже пять лет получить не могу, а он желания нет. А может силёнок нет, ехать то?

Один засмеялся, а остальные подхватили, дрыгая своими набитыми животами и концами.

– Да пошли вы, – крикнул я и ушёл в раздевалку.

2

Мысль о курорте в сентябре, не давала ни грамма покоя, ни ночью ни днём. Мама заметила в моих глазах не ладное:

– Что, опять влюбился? – спросила она, улыбаясь и напоминая, последние события моего романа.

Наивность, с которой я тогда приходил к ней и уходил от неё, была белая и бесполезная как старое, замёрзшее дерьмо. Выкачав из неё несколько поцелуев, за три дня, больше ничего не произошло. Я был не правильно организован с ними. Слишком добр и слишком ласков. Добрым и ласковым судьба дровичить, там за тёмным углом, и я это знал.

* * *

Вечером того не броского дня, в мою серую обыденность, ворвался телефонный звонок, словно молния разрезав на пополам трубку и разбив мой стакан холодной воды.

– Алло, – ответил я.

– Привет, – донеслось оттуда. – Есть дело, через пять минут будь готов. Потный стакан смотрел на меня с неизвестностью и жалостью, я смотрел на телефон с омерзением и страхом. Через пять минут я стоял на улице, и подъехала чёрная «десятка». Блестевшая своей простотой до воли абсурда, с грязными дисками на колёсах и вмятиной на левом боку. За рулём этой красотки с разбитыми крыльями, сидел человек чья похоть, подобно муравейнику, постоянно бурлит и не успокаивается. Это был один из моих знакомых, от которого я всегда старался спрятаться, ведь кроме счастья мы с ним находили лишь беды. В машине стоял рвотный аромат кофейной «ёлки» и его одеколона с ландышами. Кривой спустил колёса с ручника и мы тронулись. Мне он вообще то не очень нравился, но счастья попытать выходил с ним всегда. Обычно оно нам не светило.

– Куда мы едем? – спросил я.

– Две девчонки, ждут хорошей порки. – ответил он, и открыл бардачок. Оттуда выглядывали несколько бумаг и пачка презервативов.

– Возьми себе, – сказал он поворачивая на трассу.

Я забрал кубышку и с волнением начал думать о будущей посиделки. Я всегда волнуюсь. Даже сейчас, сидя и печатая я волнуюсь, волнуюсь, а не бред ли всё это?

– Кто они такие? – спросил я, потирая свои ладони об свои голубые джинсы. Август был беспощаден и кончалось лето, близился отпуск и я ехал на блядки. Однако тёмные мысли о море, мне не давали покоя.

«Какого чёрта?» – спросил себя я. «Никуда я не еду, я не чокнутый» и перекинулся на предстоящую ночь симфоний чувств и великих движений. Мысленно, я оставался в кабинете начальника с заявлением на столе. Будь оно проклято.

– Никаких прелюдий, слышишь, – Кривой был похоже навеселе. – Берёшь, хватаешь и долбишь.

Третий раз я сажусь в его машину, и мы едем на неудачные ночные сплетни наших достоинств и козырей. Мне было это не по нутру и не по нраву. Я не нормален, но такие знакомства я считал трагедией человечества, или треск человечности, когда мужчине от женщин, нужен лишь приятный выход своей хлопушки. Я давно искал девушку своей мечты, девушку и будущую жену, но мне не везло. Онанизм, лучшее средство для морщин и от порчи.

– Сзади вино, выпей для смелости, – Кривой кажется сам теребил свой страх или обманивал себя своей смелостью, тогда как его маленькие глазки, бегали вокруг своих орбит и под носом, стекал наверное холодный пот. Дороги были заполнены больше обычного. Пробки.

Я раскупорил бутылку красного и отхлебнул сухого Каберне.

– Скоро приедем.

Я почувствовал как у меня всё загорелось, миллионы фантазий и похотливых желаний, включили механизм твёрдой ходьбы и уверенность походки. Однако это было только внешне. Внутри, я сгорал как машина которую поливают бензином. Капля по капле.

– Я слышал тебе предложили путёвку на море?

– Ну и что с того?

– Ты будешь полный дебил, если откажешься. – он завернул во двор и припарковал машину. – Вон их окно, видишь свет горит. Третий этаж.

И действительно, а с балкона свисала девушка с сигаретой в зубах.

«Матерь Божья» – подумал я. Неужели, это она лишит меня невинности? Настоящая мечта поэта, но не моя точно. Красное, румяное лицо, явно принявшее свою дозу. Сиськи свисали с самой рамы балкона, выпрыгивали наружу и просились на ручки. У меня зашевелилось в штанах, и остановилось в голове.

– Эй, глянь! Две ебучки приехали! – крикнула она и загоготала. И вдруг, выскочили сиськи другой вампирши, что более привлекательней и трезвей. Они были не плохи.

– Мы вас ждём мальчики. Квартиру вы знаете, – и они спрятались в конуру без вольности.

А он всё набухал и голова кружилась всё сильнее, и не решительность моя вылазила осторожно, но уверенно как червяк из яблока. Страх, словно подстрекатель, уничтожал всю мою любовь к женщинам. Кровь кипела, и бурлила перед настоящим и неизвестным. Я снова отхлебнул вина, чувствуя как от волнения немеет язык.

«Уверенней!!» – приказал себе я. Мы ступали на лестницу, как чёрные солдаты СС, в гетто евреев, в дома проигравших и проклятых. Улицы предсказывали ночь. Двери уже были открыты, а в коридоре стоял дым дешёвых и сладких сигарет. Первым вышла толстушка.

– О, две ебучки. А мы вас так заждались, что почти всё вино выпили, но водка не тронутая.

Она чмокнула меня, и схватилась за бок.

– Худышка такая. – она снова открыла свой рот бегемота, издавая звуки, похожие на скрежет водосточных труб.

Напряжение в конечностях ног сошло, и кровь стала отливать обратно в мозг, оставляя все надежды на постельные танцы.

Кривой обнял её и ущипнул за задницу, мы пошли в большой зал. Два кресла и один диван. Телевизор. Шкаф. Стол. Ещё одно уродство быта. Вторая подруга была гораздо симпатичнее, и она мне даже понравилась. Мы переглянулись и улыбнулись друг другу. Толстушка ухаживала за Кривым, они уже целовались, и он лапал её сиськи. Я стоял не дыша, и сел в кресло. Черноволосая внезапно взяла бутылку водки, опрокинула по двум стаканам и подставила один мне.

– За знакомство, – сказал я, и подмигнул ей. Она улыбнулась, и подняла стакан первой.

«Чёрт, – подумал я. Нужно заняться ей. Пора целоваться.»

Её руки, взяли со стола копчённую солёную рыбу. И жир и масло, стекал по рукам до того как она пустила это через свои пухлые губки, с наслаждением шмакая и размазывая всё это языком, окончательно погубив мою надежду, и заодно свой вечер.

А Кривой уже всю лежал на толстушке и спускал с себя штаны. Чернявая продолжала есть рыбу, хватаясь за её голову и впиваясь в жир и масло, своими ногтями, поедая один кусок за другим. Внутренности мои запричитали, и не единый во мне дух не сказал «Останься». В какой раз, я вижу небо чёрного цвета, но оно без душно и не приветливо ко мне.

– Отойду в туалет, – сказал я.

– Давай, – прожёвывая сглотнула эта голодная сука. Я вышел в коридор и бесшумно открыл дверь, после чего вышел и также закрыл её за собой. Теперь я был жалким евреем, убегавшей с места где бичуют гестапо и СС. Невинность моя была захвачена и пленена в места отдалённые для других людей. Ещё одна ночь ушедшая и спрятавшая меня от всего легкого и простого.

Вернувшись домой, я со злостью упал на кровать. В мозгу бушевало море.

3

В 11:30 я зашёл к своему начальнику. Его кабинет был пуст, окна на распах и бумаги схем графиков на столе. Небывалое сомнение всё ещё сидело у меня в голове и в самых слабых мышцах тела, однако я решил, что хуже быть не может. Нужно было встряхнуться и смыть с себя прежнюю пыль, грязь прошлых неудач и неуверенность в себе. Или можно пропадать, наверняка и смело.

– А это ты, – в руках начальника была кипа бумаг. Он сел за стол и бросил их себе в урну. Снял туфлю и вдобавок помял их до принятия мелкой формы. – Чего тебе? Мне нужно уезжать.

На этих словах он одел свою туфлю и сплюнул в урну, с ещё живой кипой бумаг.

– Я пришёл написать заявление, – сказал я, и сел к нему за стол.

– Неужели на расчёт? – спросил он ухмыляясь, выставляя на вид свои кривые и золотые зубы.

Секундой, вспышка поменяла его взгляд, и кажется он всё понял.

– Решился подлец, а мы чуть старой бабке не отдали. Вовремя сукин ты сын. Билеты покупай, а то опоздаешь.

Я написал заявление о нужде в лечебном санатории, и расписался.

«Сочи... Лазаревское... Санаторий «Тихий Дом»... Чёрт – подумал я. Что я наделал? Пиздец».

Искромётные мысли, засевшие в моей голове, не давали покоя ни днём, ни ночью. До поездки оставалась неделя, близился отпуск, месяц отдыха, месяц жизни в раю, и две недели на море. Но оно, меня не отпускало. Я словно был запрограммирован на эту функцию, и отдаваться чем на пять минут, я от неё не мог, как не пытался.

– Билеты купейные, нижние места, – на следующий день, я купил билеты на разные числа.

Единственной сложностью было всего лишь то, что ехать я не особо и хотел, но и вырваться от себя и всех остальных было удачей. И выхода не было, и отказаться было стыдно, но и ехать было страшно. Единственное место, где я был вдали от дома, это у родни на Приволжье.

– Дали путёвку, вот нужно отдохнуть, – говорил я всем, но без радости и восторга.

– Вскроешь несколько ракушек, да? Там такие сейчас тёлочки гуляют, – и всё в таком духе. Других разговоров о море, почти не было. Сверстники мои, спорили о численности самок на курорте, а старики твердили о лечении поджелудочного тракта. Я не знал о чём думать.

Оставалась всего неделя.

«Пора собирать чемоданы» – решил я.

– Что с собой больше брать?

– Побольше гандонов, – отвечали мне.

– Нет, серьёзно.

– Поменьше всего, почти всё будет там не нужно.

Я набросил на бумаге список вещей, которые пригодятся на две недели:

«Вещи на каждый день: нижнее белье(4 пары трусов), зубная паста, зубная щётка, пена для бритья, бритва, лосьон после бритья, туалетная бумага, презервативы, таблетки. Далее: одну рубашку на выход, пару джинсов, две пары шорт, две пары плавок, пять футболок, сланцы, спортивный костюм. Итого: в мою старую сумку поместилось лишь половина заявленного.

Всё было нужно, все было при деле. Нужна была новая сумка.

* * *

Вечером того же дня, я купил новую туристическую сумку с вместимостью до 40 литров.

– Тебе зачем такая? – спросил продавец.

– На море еду. – отвечал я.

– Вот и бери, 40 литров вина домой привезёшь.

– А мои вещи?

– А какой дурак, привозит своё обратно?

Но я всё равно купил, одна из самых лучших во всём городе.

Так получалось, что мысли о путешествии к центру Юга, не давали мне покоя днём, а ночью в особенности. В свои 27 лет я многое достиг, и столько же упустил. Вредно об этом думать по ночам.

На следующие утро, я пошёл на работу. Последний день самый трудный собака, и более когда ты на чемоданах на юг. Где то верещала сирена, я пил кофе, мой станок не работал.

– Поздравляю, всё-таки решился, – это был Обоссы колено. Я его давно знал, один из старых заводил пьяного театра. – Я был там, куда ты едешь. Там классно.

– Да уж, – сказал я.

– У меня остался номер, от одной проститутки, я тебе его дам. Завтра найду его и позвоню тебе. Её услугами я не пользовался, но мало ли.

Он хлопнул себя по животу и ушёл. Я пил кофе и думал о проститутках, о любви, о поэзии, о моём незаконченном романе.

И вот трескотня вокруг цеха закончилась, я ушёл в душевую, выпил сто грамм, закурил Мальборо.

Мой отпуск начался с этой минуты, как я переступил порог этой блядской конторы в белый свет.

4

Перед тем, как ехать в оздоровительный санаторий, нужно было пройти врачебную комиссию, что бы там знали что тебе лечить. Начиная от язвы и заканчивая потением ног, или же вялым стояком на ряду с газовыми извержениями. Здоровье меня не беспокоило, мне было плевать. Процедуру нужно было пройти.

- Что будем лечить? – спросил участковый терапевт.
- Даже не знаю, – ответил я. – Я вроде здоров.
- Это легко сделать. Поясница болит? – спросила она.
- Нет.
- Значит будем лечить поясничку.

Заполнив несколько бумаг она кинула их медсестре, после чего отправили меня на рентген спины. Карта лечения была у меня на руках, на рентген идти я отказался. Не нужно мне это, подумал я.

Август был на мели, сентябрь близился всё ближе и ближе, как поездка на море. Вертихвостилось всё вокруг, а я ещё даже не собирал вещи. Нужно начинать, подумал я и занялся делом.

Итак. Одежда. Вот что меня волнует. Погода теперь обманчива, а что будем там? Ладно к чёрту.

- Пять футболок, самых лучших. Есть.
- Пять трусов, самых лучших. Есть.
- Джинсы от Lee. Есть.
- Спортивный костюм Nike. Есть.
- Пять пар носков. Есть.

– Блять, устал. – сказал я. И какого только меня несёт туда.

Людей я никогда не любил, и держался больше одиночество и сумасшествия на грани гениальности. Заварив кофе я продолжил.

Морские принадлежности. Чёрт, терпеть не могу пляжи.

Что там у меня есть? Да ни хрена. Ни плавок, ни трусов, и плавать я не умею.

- Ладно, потом закончу, – сказал я. Выпил кофе и позвонил телефон.
- Да, – кинул я в трубку. Это был Обоссы колено.
- Я нашёл номер девицы, записывай.

Он диктовал номер, я для чего то его писал. У меня были мысли о съёме шлюх, но не на все сто. Следующий час, я провёл на диване, как снова зазвонил телефон.

- Аллю.
- Привет, ты дома? – Кривой.
- Да я дома. – ответил я.
- Выходи, я подъеду к тебе.

Я разъединил разговор, взял сигареты и вышел на улицу. Холодало вечерами, да и вообще осень ранняя в этом году.

Но красивые девушки, да и не красивые, не снимали с себя летних нарядов, они сверкали своими длинными ногами, на длинных каблуках. Я люблю длинные каблуки, в этом есть своя мистика. Эротично, правда. Как красивая ветка яблони на которой десятки красных яблок. Убери яблоки, будет голая ветка. Так, с этими чудными ножками.

Кривой остановил свою машину, в метрах десяти от меня. Но не выходил, а кивнул рукой. Я подошёл.

– Садись, есть дело.

Я открыл дверцу и сел в машину. Как мне это надоело.

– Что с тобой случилось, почему ты тогда убежал? – спросил он.
– Мне стало дурно. И вообще что мы здесь стоим, зачем ты меня звал?
– Я же сказал, есть дело.
– Никаких дел мне не нужно, отвали.
– Придурок, если бы ты не продинамил, она бы поимела тебя. Представляешь как мне было стыдно за тебя.
– Да, представляю. – сказал я открыв дверь.
– погоди, она хочет ещё раз с тобой встретиться.
– Кто? – спросил я.
– Её зовут Катя. Вот её номер, она просила чтобы ты позвонил.
Он протянул мне отрывной лист от газеты с её телефоном.
– Позвонишь? – спросил он. Я вышел из машины, и ничего не ответил.

Несколько погодя, зазвонил мой телефон. Неизвестный абонент. Я подождал, пока перестанут звонить, и занялся поиском номера. Когда я отыскал рванину от газеты, то оказался прав. Это был номер той сумасшедшей, но симпатичной девушки. Телефон лежал на моём столе, а я гадал. Звонить или не звонить. Пустил на кухне кран с холодной водой, выпил целый стакан. Пошёл к себе, и взял в руки телефон. Нажал перезвонить, а затем пошли гудки.

– Алло, – тоненький голос, зазвучал в телефоне.
– Привет, это Иван. Тут мне дали твой номер, – начал я, но она прервала меня.
– Я знаю, давай заходи ко мне. Я тебя буду ждать в гости. – сказала она.
– А ты где? – спросил я.
– Недалеко от булочной «У Мухи», 49 дом. Придёшь? – кроме её голоса, я уловил какое то движение.

– Ну, подойду, – сказал я и бросил разговор.

Вечно попадаю в задницу, подумал я. А может и получится и она трахнет меня. Дело в том, что в свои 27 лет, я был несчастным девственником.

Она стояла напротив своего дома, и курила. Я гадал, она или нет. Она.

– Почему ты решил прийти? – спросила она.
– Ты пригласила, – удивился я, закинув в рот леденец с морозной свежестью. Курить я бросал, а перед сексом мне казалось это извращением.
– Пойдём ко мне? – сказала она, открыв парадную дверь в большом общежитии.
– Почему ты исчез тогда? – спросила она, шагая впереди меня.
– Мне стало не хорошо, – ответил я.
– А сейчас, ты как? В порядке? – она повернулась ко мне.
– Сейчас, да. А куда мы идём?
– Ко мне, конечно.

Мы поднялись на второй этаж, где было две железной двери. Она открыла дальнюю и мы вошли. Здесь было комнат десять, и все с разными входами. Мы остановились возле жёлтой, с надписью Катя.

– Только смотри тихо, там спит моя доча. – она вяло толкнула дверь и вошла внутрь. Следом, вошёл я. В нос ударил запах кислой капусты, и чего то сладкого вдобавок.

В конце тесной комнатухи, стояла старая кровать. Обоев не было, голые стены, телевизор на комод, стол, два стула, холодильник. А в кровати маленькое тельце.

Ну блин, подумал я. За каким я здесь?

– Разуваться? – спросил я, вешая куртку на советские крючки слева от двери.

– Да, кофе будешь? – спросила она, порхая по полу как мотылёк. Она была легка и прекрасна, и я заметил как она движется. Будто на льду, но по ДВП.

– Садись, – сказала она.

Я сел, и снова взглянул туда где спал ребёнок. Мне было не по себе.

– Сашка сказал, ты писатель. – она села напротив меня с чашками кофе. Мы выпили.

– Скорее нет, чем да.

– Дашь почитать? – сказала она, закинув ногу на другую. У неё были прекрасные ноги.

Я начинал возбуждаться, но на кровати шевельнулся ребёнок.

– Тебе вряд ли понравится, – сказал я, и думаю я о том, как бы убраться от сюда.

– Ты же сам мне нравишься. – и снова она заигрывала ножкой. Я снова возбудился. Ребёнок спал и видел сны.

– Мне нужно сходить в туалет, посиди пока тут, – сказала она, накиннув на ноги тапочки и вышла.

Спокойно, успокаивал себя я. Всё гораздо проще, чем ты думаешь. Ребёнок снова шевельнулся. Кофе было горьким, не вкусным. Запах кислой капусты убивал, и я решил открыть окно. Встав со стола я подошёл к окну, и заглянул в кровать, где лежала её дочь. Откупорив форточку, я вдохнул свежего воздуха. Он снова обмяк.

Когда она вошла, я уже сидел за столом, а она и не заметила что окно открыто. На улице гудели машины, играла музыка. Сняв тапочки, она подошла ко мне и села на колени. Я опять возбудился.

– Подари мне свою книгу, а я тебе подарю свою, – сказала она, поглаживая мой живот.

Я кашлянул, у меня бурно вставал.

– Ты тоже пишешь?

Она не ответила, а лишь прильнула ко мне губами. Я обнял её, но на большее меня не хватало. Увидев как в штанах поднялось, она расстегнула свои джинсы и села на меня задом. Я вспотел не на шутку, и не заметил как скинул с себя брюки. Но я был ещё не в ней, а она не во мне.

– Давай, покажи мне любовь, – сказала она, отворачивая центр своих трусиков в сторону.

У меня уже основательно торчало, гигантская машина любви. Ну, гигантская по моим меркам.

И вдруг, мой взгляд устремился в кровать. Эти чистые, эти нетронутые жизнью глаза, смотрели на нас с непониманием и ужасом. Секунды предостерегали дикий вопль, плачь разлетелся по вонючей комнате, и выходил через окно на улицу. У меня всё ещё стоял, а она вскочила с меня к дочери, жадно хватая ту за голову, целуя, и забыв отвернуть трусики на прежнее место. Я накинул брюки назад, пригиная его вниз, но он не желал слушать, я просто перевозбудился.

– Может мне уйти? – сказал я.

– Иди на улицу и подожди меня, – ответила она, всё ещё успокаивая малютку. Чего она испугалась? Скорее меня. Ещё бы. Я вышел с комнаты, а потом на лестницу. Хотелось курить, я достал пачку сигарет и закурил. Было поздно, я надумал вызвать такси, но дожждаться её.

Когда сигарета кончилась, я постоял ещё минут десять, а потом вышла она.

– Прости, что так получилось. – сказала она. – Есть сигарета?

Я протянул ей Parliament, она закурила.

– Ладно, чего уж там. – сказал я, в душе терзая всё что можно.

– Позвони мне завтра, я буду ждать. – сказала она, возвращаясь к парадной.

– Слушай, а как её зовут? – спросил я.

– Дочь? Эля, а что? – ответила она.

– Да так. Ну я пошёл.

И мы попрощались. Я вызвал такси, снова закурил, и пока ехал сочинил стишок. Похоже влюбился.

5

В десять утра, следующего дня, она мне позвонила. Воскресный день, выходной день. Я не готов был к морю, я писал стихи, а заодно роман. Так вот, она мне позвонила.

– Привет, – пролепетала она.

– Привет, – нежно ответил я, и подумал «что-то тут не так». Она была красивой, но не моего полёта.

– Хотела сказать, я сегодня уезжаю.

Я оторопел и удивился.

– Куда? – спросил я.

– На Техас. Я вообще то там живу, сюда приезжаю друзей навестить. Через час, мой автобус, хотела попрощаться.

– Я тебе могу звонить?

– Я буду рада. – ответила она и услышал смех её дочери.

– Тебя проводить?

– Ты хочешь?

Я не знал что ответить. Чувство к ней во мне то разгорались то угасали. Жалость проби- валось между этим как тоненький горный родник, что если у меня всё получится.

– Откуда ты отправляешься? – спросил я.

– С центральной, так ты придёшь? – она курила, а в телефоне всё ещё был слышен смех ребёнка.

– Приду, увидимся.

Я выглянул в окно, светило солнце и было даже жарко. Думаю стоит купить шоколадку для неё и для неё, подумал я, и удивился своей же жалостью. Киоск был не далеко, я купил сигареты и две шоколадки. Толстая продавщица болтала со своим приятелем, а заодно внима- тельно следили за мной. У меня были влюблённые глаза, или фингал под глазом. Не знаю.

Центральный автовокзал был недалеко, быстро дошёл и увидел из двоих. Девочка спала на лавочке, Катерина стояла рядом.

– Быстро ты, – сказала она. Малая уснула, даже не знаю.

Я посмотрел на неё, и ужаснулся как не симметрично она лежала. Голова висела ниже туловище, всё остальное чуть не падало со скамьи.

– Да, я вот принёс, – и протянул ей шоколад.

– Спасибо, – она взяла, и сунула их в свою красную сумочку.

Желающих уехать было не мало. Рядом с нами стоял грузин, он иногда посматривал на нас, а Катерина на него.

– Почему ты решил проводить? – начала она, прищурив свои глазки.

– Хотел сделать приятное, да и тоску разогнать, – ответил я.

– А кто сказал, что я тоскую?

Её взгляд обжигал меня, и пленил. Я хотел её, у меня снова начались видения. Случай номер бесконечность.

– Ты мне позвонишь, когда я приеду?

– Да. – ответил я, и посмотрел на кроху на скамье.

Что-то мне подсказывала, что она хорошая мать.

– Как мне её теперь разбудить, вырубилась на дороге, представляешь?

Она наклонилась к ней, но будить у неё получалось не очень, девочка всё ещё спала.

– Скоро мой автобус, просыпайся давай.

Она подняла её без движимое тело, а потом раздался дикий плач.

Я пожалел что пришёл. Казалось, что все на нас смотрят. Катя продолжала стоять в позе, и я тарасился на её зад, девочка плакала, и я в итоге закурил, и перевёл свои мысли на автобус.

– Смотри, он сейчас приедет, – сказал я и подступил к ней.

Она взяла дочь на руки, а та била её своими ботинками, оставляя на чёрной рубашке следы.

– Оставь покурить, – сказала Катерина, я протянул ей половину сигареты, она сделала несколько длинных затяжек, а потом отдала мне.

– Позвони мне, – сказала она и повернула ко мне свою щёку.

Я поцеловал, и она ушла к автобусу. Я проводил как она уезжает, мне она помахала рукой, а я снова закурил.

Что то я в ней нашёл, может то что искал, но и недостатки её огромны. Хотя, они есть у всех, подумал я.

Пока я шёл домой, я думал звонить или нет. Вроде она мне нравилась, и я всё ещё мечтал с ней переспать.

Когда я оказался дома, я уже твёрдо решил кинуть её. Через пять дней на море, а я буду куролесить с ней, и делать вид что мне всё нравится. Так я не мог. Насиловать свой мозг куда ни шло, но своё достоинство и принципы, я не смел.

Первый звонок от неё поступил, через два часа. Я не взял. Потом она позвонила шесть раз за десять минут, и наконец перестала.

Чудненько, подумал я. Но ошибся. Пришло сообщение.

«Что это всё значит?»

Я ответил

«Мы не подходим друг другу, Прости.»

Затем, она позвонила ещё пять раз, а потом снова написала.

«Почему? Что я сделала не так?»

И тут, мне её стало жаль. И я подумал что ошибся.

Она снова пару раз позвонила, а потом бросила. Я заходил кругами, предчувствуя угрызение совести, оно уже близилось. Я представлял, как сделал ей больно. Да, я жестокий и мерзкий.

Я взял телефон и набрал её номер. Она сбросила.

Что за чёрт, подумал я.

Проделав эдак раз десять, я взбесился. Что она мать его, о себе возомнила? То звонит, а теперь меня не желает?

А кто бы после такого, желал?

Хрен с ней. Я закурил. Телефон лежал с включенным экраном. Звонка от неё не было.

Отлично, подумал я, просто замечательно.

Половину остального дня, я пребывал в смятении. Когда лёг спать, просвистел телефон.

«Я люблю тебя. Катя».

6

Морские волны разбивались о скалистые горы, а белые и дорогие яхты, блестели от яркого солнца. Такие впечатления мне грезилось по ночам, и в особенности когда не удавалось уснуть. Следующее что мне не давало покоя, была это сумасшедшая *femme fatale*, настоящий ураган, танк а не девушка. И всё это время, мне приходилось или жалеть, что я познакомился с ней, или мириться с глупостью. И её и своей.

Я сидел утром и ждал пока кипит чайник, нервы были не к чёрту, настроение почти как у Диогенна. Моя новая подруга перестала полноправно звонить, а только лишь посылала сообщение. «Абонент просит перезвонить».

– Я хочу завтра приехать в город, встретимся? – сказала она.

– Конечно, где встреча? – спросил я.

– Давай в кофейне, там отличное кофе. В 10 утра, я буду ждать.

– Ты будешь с дочкой? – я не хотел что бы она была с ней.

– Я оставлю её у подруги.

И мы договорились.

Что я делаю? Вот что мне лезло в голову. Кроме проблем, мне ничего не светило. Ну, во всяком случае так я думал.

Как иначе, можно было думать, я не знаю. Если человека постигают вечные проблемы и неудачи, он считает себя неудачником. Я боролся как мог.

Мой роман требовал внимания. Я сел и начал печатать, но выходило лишь мерзкая проза. Телефон загудел. Она просила перезвонить.

– Знаешь, я ведь тебе не сказала что я перекрасилась, – сказала Катерина.

– Неужели, – ответил я.

– Угадай в какой цвет? – и я снова услышал где-то вдалеке её дочь.

– Фиолетовый?

– Почему? Я тебе что химическая атака?

В голосе я услышал обиду. Отлично, отлично.

– Я перекрасилась в рыжий. Рыжая девчонка, с твоего двора.

Она напела песню, я подумал что не стоит с ней встречаться.

– Чем ты занят?

– Пробую что-то написать, – сказал я.

– Ты пишешь стихи?

– Уже нет.

– Почему?

– Хочу закончить роман, но ещё не готов. Написал стишки для тебя.

Она засмеялась.

– А ты всем своим девушкам пишешь стихи? – спросила она.

– Нет, только тебе. – я слукавил.

– Да что ты, – протянула она.

– Именно так.

– Я хочу что бы ты почитал их мне.

– Я не читаю их вслух, я думаю что мне ещё рано.

– Может быть потом поздно. Что для этого тебе надо?

В её голосе я услышал секс, бурный водопад страсти, миллион сперматозоидов ударяющие меня прямо в темечко. Любовь на грани безумия, жизни, смерти, войны.

– Много вина, – сказал я.

– Тогда пей, я напою тебя. – и мы посмеялись.

От разговора я возбудился, но Слава Богу нас оборвал временной лимит.

Снова устремившись в письмо, я продолжил работать над романом, как вдруг снова пришло сообщение. «Абонент просит перезвонить». Я набрал.

– Ты знаешь, почему я перекрасилась?

– Нет.

– Я тебе это скажу когда мы встретимся.

– Хорошо.

– Ну ладно, надо бежать по делам.

– Что за дело? – спросил я и удивился.

– Один парень позвал за стол, не могу отказать, ну завтра увидимся.

Я положил телефон и снова удивился тому, что начинаю её ревновать. Мне нужно напиться, подумал я. Внутри всё горело и ревность и что-то ещё хуже. Что никогда не узнаешь.

Роман снова был не завершён. У меня в шкафу было три литровых бутылки Ягермайстера, я открыл начатую, и налил в стакан. Сладость прошла по моей полости рта, у меня была возможность запить. Уже как два месяца я не напивался и не отдыхал душой и телом. Закурив и снова опрокинув стакан, я поразмыслил, что не плохо бы на курорте запить. Однако страх перед чужим инопланетным местом, успокаивали меня тут же. Выпив ещё не много, я поставил бутылку обратно, и сел за роман.

Позвонил телефон. «Абонент просит перезвонить».

Я охмелел, и язык мой почувствовал свободу.

– Что случилось? – спросил я.

– Соскучилась без тебя, – сказала она. На заднем плане был шум застолья. Я снова начал ревновать.

– Я думал тебе не скучно там.

– Это так, но с тобой было бы лучше.

«Налей ей ещё», услышал я. Не хватало, что бы она ещё блядью оказалась.

– Ты помнишь что я тебе вчера написала? – она ушла из стола, стало тихо.

– Да, помню.

– Хорошо, – сказала она и бросила трубку.

Я снова возбудился, ужаснулся и решился.

До вечера она мне не звонила. Какие только вещи, я не представлял себе.

Нет, так поступать нельзя. Она мне безразлична же чёрт, говорил я себе. Писать я больше не мог, меня переполняло и все чудесные слова вертелись на языке, но решительности не хватало. Любая мысль выходила на нет. Впервые, я почувствовал глупый холод ревности.

Что бы перевести свои мысли, я вышел за сигаретами.

В кармане завибрировал телефон. Пришло сообщение.

Перезванивать мне не хотелось. Через пару минут, пришло следующие, и так пять раз подряд.

Я перезвонил.

– Где ты пропадал? Не могла дозвониться, – сказала она.

– Ты волновалась? Я был в гостях, там была вечеринка, – сказал я.

– О, значит ты время даром не теряешь? Что же, перезвони когда будешь ложиться спать. Если один конечно ляжешь.

Она бросила телефон. Перед сном, я ей не позвонил.

7

– Почему ты мне перед сном не позвонил? – сказала она.

Мы сидели в ароматном кафе, людей было не много, но некоторые на нас посматривали. Импозантность моей подруги, действительно вызывал на окружающих эффект.

Она была неимоверна красива, длинна нога и выше меня, а сегодня ещё одела туфли на каблуках. Когда мы встретились с ней пару минут назад, на крыльце у входа в кафе, она спустилась на ступень чтобы поцеловать меня.

– Думал, но потом уснул. – ответил я. Нам принесли два эспрессо и стакан талой воды. Кофе я пил горьким, и сахар не входил в него.

Она медленно размешивала кофе и поглядывала за стекло на прохожих.

– Я училась на повара, но так и не окончила. Хотя диплом мне дали.

– Прекрасно, – сказал я. Она потрясающие выглядела, тот момент когда у девушки есть всё кроме мозгов. Я хотел её к себе.

– Пойдём отсюда, – сказала она, так и не сделал глотка от кофе.

Грузчики принимали торты и пирожные, а она молча курила, оглядываясь по сторонам.

– Куда пойдём? – сказала она.

– Ко мне, – ответил я.

Она была не против. По дороге ко мне, она расспрашивала чем я занимаюсь, и покажу ли я ей свой роман и лучшие стихи.

Вот так, подумал я. Продаю своё искусство ради страсти и любви. Разве так делают художники? Пока мы шли, она обняла меня и сказала:

– Есть одна девушка, я хочу тебя с ней познакомить. Ты ей очень интересен.

– Кто такая? – спросил я.

– Училась со мной, и увлекается мировой литературой.

– Мало верить.

Когда мы пришли ко мне, я посадил её за стол, а сам варил кофе.

– Вчера мне позвонил твой друг, – сказала она, закинув одну ногу на другую и покачивая из стороны в сторону.

– Да, и что же? – удивился я.

– Он хочет со мной встретиться. – изъясилась она, покачивая ногой туда-сюда.

Точно блядь, подумал я. Все признаки на лицо, а я думал и правда влюбилась в меня. А я думал действительно видит во мне гения, Бога, Смерть, Жизнь.

– А что же ты? – спросил тогда я.

– Ну, ты уезжаешь ведь на море, охранять меня будет не кому, поэтому...

Она не договорила, так как моя рука плеснула чашку с кофе ей на ноги. Это было бешенство. Не свиное, разбитого сердца.

– Ты ублюдок грёбанный, – сказала она и кинулась на меня с кулаками, заодно мельтеша своими ногами. Я ухватил её за талию и прижал к себе со всей силы. Сил мне было не занимать.

– Пидар отпусти меня. Что б ты сдох, – она билась у меня в руках, как умирающая рыба без воздуха.

Моё бешенство вдруг снизошло на милость, и я не теряя момент сделал поцелуй в губы. Взасос. Со всей силы. Я хотел её изнасиловать, облитую кофе, порочную, лживую, сумасшедшую и красивую. Одной рукой я тянулся вниз к её заду, другой притрагивался до промежности.

– Я люблю тебя, – говорил и вздыхал.

– Убери руки, а то врежу, – сказала она, но не врезала, и даже перестала колотить коленками. У меня встал не на шутку. Он упирался ей в ногу, она опустила голову вниз и посмотрела.

– Оххха – простонала она, и размахнулась на меня рукой.

Попадание пришло прямо под глаз. Шлепок был молниеносный. Меня ударило током, и я отстал. Гром и молния, девичья рука.

– Урод, – сказала она, освободившись из моего плена. Ушла она не попрощавшись. Наверное она была права.

Следующие два часа, я звонил ей и писал сообщение.

«Прости меня, прости.»

Никакого ответа. И тогда я набрал Кривому.

– Привет дядя, – сказал он.

– Ты звонил вчера ей? – спросил я.

– Кому? Разведёнке?

– Да, Кате.

– Нет, зачем она мне нужна? – удивился он.

– Бреешь сука, она сказала что звонил.

– Ты идиот, брось её, она пудрит тебе мозги. Я познакомил тебя с ней для перепиха, но не для того, что бы ты женился на ней.

– Она дико себя ведёт, – сказал я.

– Ты её отымел? – спросил Кривой.

Что мне было ответить?

– Нет, не получилось.

Он засмеялся, и сказал.

– Это динамо парень, забудь о ней. Ладно, мне нужно идти. Увидимся.

– Да уж, – сказал я и бросил трубку.

А может он прав, и я нарвался на одну из тех красавиц, которые разбивают своим парням сердца. Эдакая Чёрная вдова. Но я не показал ей, как на самом деле люблю её.

Больше звонить ей не стал, и решил что на этом всё кончится. До моря оставалось несколько дней, я хотел духовно подготовиться.

8

Умело разговаривать с людьми я естественно умел, но почему то не было желания. Люди с которыми я хотел бы поговорить к сожалению мало встречались, а другие были малоинтересны. Я не циник, наверное одиночка. За последние годы, у меня развились настоящие качества этого дара. Быстрая ходьба не дожидаясь кого либо, Мир проходил мимо меня. Взгляды на девушек, иногда они отвечали мне тем же, и не более того. Наверное они смотрели, и говорили, что это славный дурачок не знающий жизни и женщин, и ищет себе покоя. Сначала ты смотришь на это глазами жестокости, но потом глупостью и наивностью покрывается твоя девственная оболочка души. Милые красавицы, длинноволосые брюнетки и короткие рыжие, маленькие и высокие, они были повсюду, дышали со мной одним воздухом, но они были не мои. Во мне жил художник, писатель и поэт, и представлял как давно умершие писаки и малёвщики смеялись надо мной. Великие любовники это великие писатели, или наоборот. Ван Гог не был Великим любовником, он был изгоем, что-то здесь не так.

Этот день я начал с зелёного чая. Два крутых яйца и шоколадное масло. Ничто не давало спокойствие, мозги были системой, другой огромной системы. И в моих мозгах плескались вечные волны морского бриза. О мимолётной любви не было и речи, но забыть я никак не мог. Я всё ещё чувствовал свою вину, иногда мне казалось что влюблённость не прошла, и я должен искупить свою вину.

Кривому я не верил, он был скользкий тип, менял девок направо и налево. Я так не хотел, наверное я однолюб.

После завтрака, я занялся собиранием чемоданов, и между делом посматривая на мобильный телефон. Ждал весточки, письма, но ничего не было. «Абонент просит перезвонить» больше ко мне не заходило. Я снова вернулся в точку возврата. Хотелось напиться, но настроение было паршивым, а от выпивки становилось ещё хуже. Я взял одну единственную рубашку на вечер, аккуратно кинув её на диван и услышал свист телефона.

«Мне нужна помощь, помощи.»

Это была она. И снова сердце застучало бешено и не нормально. Я попытался проигнорировать. Носки были чёрного цвета, и белого, а ещё зелёные от adidas.

«Если не можешь помочь, я всё пойму».

Я прочитал следующие сообщение, и перезвонил. Сердце ёкало в ожидание её голоса. Изменилось оно или холодное по прежнему.

– У меня проблемы, Иван. – первым что сказала она.

– Что случилось? – спросил я.

– Мне нужна пара тысяч, желательно сегодня, завтра крайний срок.

– Для кого крайний? – я ожидал что она попросит денег.

– Для меня.

Я немного подумал, и сказал.

– Хорошо, сколько тебе надо.

– Три тысячи, Вань. Ты милый, знаешь об этом?

– Где тебе их передать? – спросил я, не задумываясь о том что делаю.

– Давай в том самом кафе, – сказала она.

– Хорошо, через час.

Я спустил в унитазе воду, нашёл три тысячи и бросил три купюры на стол, и нисколько не сомневаясь и не задумываясь в правильности действий. Как любой пиздострадалец, я всегда руководствовался другим местом, или же словами Холмса. «Джентльмен не должен думать о риске, когда женщина просит его о помощи».

Через сорок минут, я пришёл к тому месту, где мы когда то пили кофе. Её нигде не было, ни в кафе ни на улице. Простояв ещё десять минут, я увидел со стороны парка, её медленную, но уверенную фигуру. Уяснить я не силах тогда, и не в силах теперь, отчего такие девицы, привлекали меня более чем спокойные мышки. Огнедышащий дракон с повадками суки и стервы, она меня подцепила, а потом выкинула как использованного червяка с наживки.

– Почему ты мне решил помочь? – спросила она, когда ей протянул три купюры.

– Неважно. А почему ты обратилась ко мне? – спросил я.

– Ты не задаёшь лишние вопросы, – она закурила. Глаза её были красны и пылали страстью.

Она была права. Но мне хотелось спросить и узнать, но я молчал.

– Не понимаю, что у нас не получилось, – шепнула она и выдохнула тяжело дым.

Я конечно знал, но молчал.

– Отдавать смогу по частям, иначе никак.

– Хорошо, – сказал я и она ушла туда, откуда появилась.

Возвращаясь назад, домой, я думал и думал, для чего ей они понадобились? И всё же я питал к ней самые добрые чувства, и вправду болван.

9

Долгожданная поездка к чёрному морю, отмечалась ровно через два дня. Я почти был готов. Почти. Иногда ждал вестей от Катерины, иногда просто ждал. Теория относительности работала как никогда. Отчего то мне стало дурно и тошно, порой я корил себя за неудачу, но потом отпускало, когда вспоминал о затратах.

Сумка почти была готова, я ходил в одном и том же, и не находил себе места. Телефон молчал, всё было равнодушным, и немощным. Стихи не писались, роман стал чужим и забытым. Впервые для меня родилось желание пить. Пить чтоб забыться. Пить чтоб не мучится.

Бутыли стояли не тронутые, дисциплина это главное для писателя. И если не главное, то составляющая.

Курить я решил бросить на время, хотя бы на две недели. На море. Потом, я купил в аптеке пачку презервативов с тремя кубышками, и положил в под пакет с носками. Другое дело занимало меня, каков процент финансовых средств мне необходимо было взять, на эту концессию. Тридцать тысяч, в самый раз, подумал я. Но может статься и мало. Если гулять и разгуляться на широкую ногу, и ста тысяч не хватит. Я остановился на тридцати. Отсчитал все купюры и сунул их в лопатник для больших сумм, портмоне служил для маленьких. В пределе трёт тысяч.

Ох Господи, подумал я. Несёт нелёгкая.

После полудня я занимался физкультурой, оттачивая за эти два дня своё накаченное тело. Ростом я был не велик, но это было не главное. Как только я сделал первый глоток кофе за сегодня, зазвонил телефон.

– Готовишься к морю? – Кривой как всегда.

– Почти, да. – ответил я.

– У меня для тебя кое-что есть, выходи. – сказал он.

И я вышел. Он сидел на уличной лавке, напротив его колымага.

– Завидую я тебе. На твоём месте должен быть я. – сказал он.

– Не бойся, таких как ты, там ждут круглый год. Что у тебя для меня есть?

Он показал на машину.

– Это в багажнике. Слушай, у меня есть для тебя просьба.

– Какая? – удивился я.

– Привези хорошего вина или коньяка, ну знаешь. Это традиция.

– Не знаю. Такое вино ты и здесь купишь, какие проблемы?

– Это не то, поверь. Ну купишь?

– Ладно, что у тебя.

Он встал и подошёл к багажнику. Отперев и задрав дверь, он достал круглую и большую плетённую панаму.

– Это тебе, – сказал он. От такого подарка, я даже не знал что сказать.

– Ну спасибо, – вот что я ему сказал, и примерил на голову.

– В самый раз.

Это было что-то. Она покачивалось у меня на голове, я словно оказался в люке.

– За Катюху, что-нибудь слышно? – спросил я.

– Зачем она тебе? Забудь её, понимаешь забудь, – говорил он, и от злости распирал пальцы.

Мы попрощались, и я ушёл домой. Немного полистал старую историю сообщений, переписки с ней. Вспомнил встречу в общежитии, и заплакал. Не сильно, но было. Не выдержало сердце поэта. Хотелось выпить, и выпил. До самой полуночи, я сосал бутылку Ягера, курил сигары и смотрел на звёзды.

Сладкий сироп пьянил сильнее водки. Бальзам на травах, настоящее лекарство против грусти и печали. Звёзды мне были открыты, они сверкали и сияли, и возможно улыбались мне.

10

Утром голова не болела. Позвонила маман, спросила как дела, обещалась зайти. Похмелья не было, но было отчего то стыдно. Дисциплина не сработала, желание оказалось сильнее. Завтра, в шесть часов вечера, я отправляюсь на поезде на море, где бархатный сезон в лучах меридиана. Немного похажив вокруг да около, написал стишок. О вреде курения. Но адреналин, начинал гулять по крови уже сейчас, уже сегодня. Мне предстояла бессонная ночь сегодня, и бессонная в поезде завтра.

Маман пришла в десять утра, я был чист и вымыт как девственная невеста перед свадьбой. Ни грамма намёка на пьянство. Снаружи и в теле. Однако в голове работал механизм алкоголизма для меня. Как в часах. Он был быстр и без поворотлив.

– Почти готов, – сказал я маман, когда она спросила о настроении.

– Что за странный здесь запах?

– Кто его знает, может мой одеколон, а? – сказал я, когда маман унюхала богатый запах сигар.

– Убедительная просьба для тебя, не пей.

После этих слов, я молча кивнул головой и задумался. Мои мысли крутились и она похоже это поняла.

– В чужом городе, за такие дела, выкинут в море, а потом ищи тебя.

– Хорошо, – сказал я.

– Нашёл на чём уедешь?

– На такси.

После некоторых бесполезных расспросов, мы позавтракали, и поговорили. Я спрашивал о том как спят в поезде, она всё о том же. Возвратил меня обратно на землю, свист телефона.

«Абонент просит Вас перезвонить.»

Нет уж, подумал я. Пошла она куда подальше. Терпеть больше не было сил. Я выключил звук, сам посматривая на включенный экран. Прислав ещё три сообщения, она замолчала. И снова покой был оставлен, и снова во мне бушевал зелёный лес, где каждая верхушка деревьев была надломленна и устала.

– Проводить тебя завтра? – спросила маман.

– Не нужно, – ответил я.

Думаю, мне стоит не много поднабраться, что бы не было страха. Когда маман ушла, я снова посмотрел на пропущенные вызовы, и бросил телефон на стол, как фантик от конфет. Решил подумать какую брать с собой книгу, и взял «Хлеб с ветчиной». Без книг, я не мог.

Первым что мне нужно было сделать, когда выйду с поезда, взять такси и доехать до санатория. Волновало меня лишь то, что вместо того чтобы ехать по назначению, таксист начнёт вилять и путать дороги, что бы взять больше денег. Потом я успокоился, и меня взволновало другое. Что если у меня в поезде украдут деньги. Как с этим быть? Выйти по нужде, а сумку оставить в купе? Я ехал первый раз на поезде, было волнение. Треволнение. Срастётся ли, и кто будет со мной ехать?

Началось, подумал я. Стоит остыть. Залез в холодную ванную и принялся ждать. Иногда я погружался с головой, затаив дыхание, но не отпускало. Засел я по хорошему. Когда вылез из ванны, оделся и вышел на улицу.

– Дай закурить, – спросил один бомжеватого вида.

– Не курю, – сказал я и двинул дальше.

Магазины были невзрачны, серы и однотипны. Люди на друг друга, не обращали никакого внимания. Я выскочил из супермаркета, посмотрел как влюблённые пары двигаются то назад, то вперёд и вернулся домой. Нахлынуло вдохновение, и я продолжил писать роман.

11

Билеты лежали на столе. Скорый поезд, купейное место, нижний ряд. В 18:00 отправление, в 9:05 прибытие на юг. В голове что-то вертелось, сердце стучало нарушая спокойное дыхание. Снова проверил всё ли на месте, и заглянул в телефон. Было пусто. Хотелось выпить для смелости, но переубедил себя последствием. Лёг на диван и открыл книгу. «Воровка книг». Ничего в голову не шло, всё было мимо.

Когда пришла маман, мне стало легче.

– Только не пей в поезде, я прошу тебя, – сказала она. Выкинут на станции пьяного, будешь сидеть.

Она была права, пить в поезде было опасно.

– Билеты сразу показывать, или потом спросят? – спросил я.

– Главное запрыгнуть в поезд, и в свой вагон.

– Понятно.

Мне хотелось что бы зазвонил телефон, и это была Катерина. Я бы с радостью никуда не поехал, только бы остаться с ней, только бы вернуть то что я потерял. В трудные минуты для мужчины, женщина лучшее успокоительное.

– Когда приедешь туда, позвони, – сказала маман, и я кивнул.

Часы показывали 12:15 и моему беспокойству не было предела.

– Это волнение, но хорошее волнение, – сказала маман. – Всё будет хорошо.

И я согласился. Принял ванну, нашёл нужные вещи, раскидал деньги на мелкие расходы в поезде, и включил телевизор. Шли новости. Французский президент разоблачён в половых связях со своей любовницей, фотомodelью из Испании. Народ не доволен, и вспоминает красную революцию.

Вот это страна, подумал я. Высшее лицо Государство изменил своей жене и своему народу. Повинен смерти на длинном деревянном колу. А у нас, хоть колом по голове чеши.

Пребывая в полупьяном состоянии, я обратился ко времени. На часах было 15:05. Мне стало не по себе, от мысли что пора собираться в путь, вызывать такси и ехать на вокзал. На душе было грустно, и тоскливо. Из за стекла автомобиля я прощался на время со своим городом, под музыку Кикабидзе.

– Мои года, Мои богатства.

Маман в такси не поехала, я просил дать мне возможность уехать одному, а она просила в поезде не пить.

– Куда едем? – спросил таксист в солнечных очках.

– На юг, – сказал я, глядя на его кожаные перчатки на руках.

– Хорошее дело, молодое. Там сейчас бабья, утонешь в любви. Главное чтобы деньги были.

– Это да.

Накинув на голову бейсболку, водитель продолжил.

– Да, было дело молодое. Кстати, выпить хочешь? У меня есть тут кое-что.

– Не сейчас, – сказал я.

– Ты что, в поезде собираешься ехать трезвый?

– Ну да, а что?

– Не смейся, совсем пизданулся. Пиво хотя бы возьми. Запомни, как в поезде отпразднуешь, так и отпуск на море проведёшь. Это закон. Как с чёрной кошкой.

– Я не суеверен, и в приметы не верю.

– Ну посмотрим. Обратно будешь ехать, позвони мне, и расскажешь как прошло?

– Хорошо, – сказал я, и он дал мне свой телефон.

Когда мы приехали на вокзал, я расплатился с ним и вышел на жирную дорогу, где гуляли зеваки, менты и воры в законе.

До поезда было ещё несколько часов. Я сел на свободную лавку, и принялся рассматривать округу. Вокзал был небольшим, остался от царского режима. Я высморкался в платок, и обратил внимание на человека, который на меня смотрел, или отводил в сторону взгляд. Захотелось курить, но это было опасно. Охрана стояла совсем близко, это было самоубийство.

Далее, ко мне под села женщина. Явно не местная, слишком много фарса в движениях рук, и смелости глаз. Я решил спросить.

– Вы не в Лазаревское?

Она повернулась ко мне, не много подумала, а потом ответила.

– Нет, Я в Мурманск.

Ого, подумал Я. Далековато будет. Жаль, что не со мной. Найти бы попутчиков, куда проще было бы.

«Поезд маршрутом Москва-Мурманск» опаздывает на полчаса» – выразился динамик на крыше вокзала.

– Отлично, как всегда, – сказала сидящая со мной, после чего нервно вынула сигарету из сумочки.

– Могут ругаться, – сказал я ей и показал на охранника.

– Задолбали, – недовольно высказалась она.

Я посочувствовал ей, и сделал вид.

А вдруг мой тоже задерживается, подумал я и забеспокоился. Женщина встала и ушла в неизвестном направлении. Ничего не менялось, всё было по прежнему. Пока ко мне не подошла девушка с ребёнком.

– Парень ты долго будешь здесь сидеть? – спросила она.

Я удивился и подумал над ответом.

– Как получится.

– Парень, побудь с ребёнком, я отойду в туалет, – сказала она, и положила спящую девочку на скамью, рядом со мной.

– Хорошо, побуду, – сказал я и посмотрел на маленькую девочку, и мне что-то напомнило.

Проводив девушку взглядом до вокзального туалета, я обратился на часы, но было ещё рано. Люди пребывали и убывали, а охранник обратил на меня своё не ускользающее внимание. Время шло, пять минут прошли как и не бывало, но молодая мамаша не возвращалась. Я занервничал и полез за сигаретами, но вспомнил об охране. Их было трое и стояли они возле большой машины, с тонированными стёклами. Смотрели они порою на меня, и переговаривались. На ногах задрожали пальцы, и я решил встать и направиться в женский туалет. От туда вышла усталая проводница, и я спросил.

– Девушки там нет, черноволосой, в синей футболки?

– Не видела, – ответила она в сторону, будто не мне.

Погодя, я потянул на себя дверь в женский туалет и вошёл. Все толчки были пусты, и теперь я встревожился не на шутку. Когда я вышел, то увидел как охранники стоят возле ревающего на скамье ребёнка. Они обернулись и заметили меня.

Попал, подумал я. Приехали. Медленно и уверенно как только можно, я зашагал к трём не доверяющим мне обезьянам.

– Ваши документы, – сказал один из них.

Я протянул ему паспорт, и посмотрел на скамью. Девочка, которой и не было четырёх лет, редела на весь вокзал, пульсируя глазами по сторонам, в поисках матери.

– Чей ребёнок? – спросил другой охранник, обладатель палки и пистолета.

– Откуда мне знать, – ответил я.

– Но ты же здесь сидел, вместе с ней, – говорил другой, разглядывая мой паспорт.
– Девушка принесла, – сказал я.
– Какая девушка? – нагло спрашивал охранник, перебирая страницы моего паспорта.
– Чёрненькая в синей футболки, сказала отойдёт в туалет, – говорил я.
– Короче, пошли с нами, – сказал охранник пряча мой паспорт в нагрудный карман куртки.

– За что? – спросил я поникшим голосом. – У меня скоро поезд, куда идти?

Руки мои задргались, я струхнул не на шутку.

– Писать протокол будем.

Я посмотрел на часы, до поезда оставался час. Они двинулись вперёд, и я пошёл за ними. Пребывал поезд с Питера, люди бежали мне навстречу, я шёл против их течения. Как всегда. Три охранника завели меня в охранный пункт, и предложили присесть. Я сел.

– Куда направляешься? – спросил один, ковыряясь в компьютере.

– На море, – сказал я.

Другой охранник посмотрел мне на руки и сказал.

– Открывай сумку и доставай всё на стол.

Я охуел.

– Зачем? – спросил.

– Ты что не слышал? – крикнул он и взял мою сумку из рук.

Положив её на стол, он дёрнул замок с такой силой что порвал молнию на ней.

– Блядь, – сказал он, и начал выкладывать на стол все мои вещи.

– Зачем едешь на море? – спросил тот за компьютером. Третий стоял рядом с ним.

– Отдыхать, – ответил я, полностью потеряв надежду, веру, настроение, и радость.

– Наркоту везёшь? – спросил тот что шарил в вещах. Он выложил всё, включая кошелек с большой суммой. Пересчитав деньги, он бросил кошелек на стол.

– Лапиков, куда ты едешь? – снова спросил тот за компьютером.

– Лазаревское, – ответил я, глядя как мои вещи тормозят, проверяют каждый тюбик с кремом для загара, и проверяя каждый носок. Я был раздавлен. Прошло десять минут, до поезда ещё сорок.

Током или молнией меня пробила мысль. А где девочка?

– А где девочка? – сказал я вслух.

Они все переглянулись.

– Иди, заberi её, – сказал тот что за компьютером, ближнему своему.

Он пошёл и на меня бросил нездоровый взгляд. Мои джинсы были вывернуты наизнанку, все таблетки и туалетные приборы разбросаны по столу, а сумка изнасилована как семнадцатилетняя после вечеринки. Полчаса оставалось до поезда.

Дверь открылась, и на улице я услышал голос диспетчера. Приходил поезд на Мурманск, а охранник вошёл и встал у порога.

– Девочки там нет, – сказал он.

Клацанье клавиатуры прекратилось, впрочем как и шмон моих вещей.

– А где же она? – спросил охранник за столом, выпучив нижнюю губу.

У порога не ответили, лишь пожали плечами. Постояв так две минуты, он прошёл вдоль стены к окну, и закурил. Дыму некуда было уходить, ведь единственное окно было закупорено и наколочено гвоздями.

– Свободен, – сказал охранник за компьютером. – Собирай манатки, и что бы через десять минут, тебя здесь не было.

Я вскочил со стула и начал накидывать все свои вещи обратно в сумку. Получалось не очень, её раздуло а половину ещё нужно было засунуть. Я начал заново. Выкинул что накидал и сложил всё снова, аккуратно. Они все трое стояли, и смотрели. Когда я упаковался, сумка

выглядела ещё хуже прежнего. Молния не работала, и олимпийка выглядывала наружу. Я был раздавлен, и унижен.

Открыв дверь я увидел солнце, людей и свободу.

Поезд стоял и ждал своей минуты. В каждом часе, есть своя худая минута. Я нашёл свою. Перрон был унижен грузинами в шлепках. Они курили и ждали следующей остановки. Глаза их были коварны. Они разглядывали всё что можно, смеялись на нами, надо мной. Взгляд был не добрым. Куда они ехали, неужели в Мурманск?

Я сел на скамью. Уже на другую. Поезд тронулся, грузины запрыгнули, двери закрылись, колёса застучали.

Как мне повезло, подумал я чуть не плача.

«Следующий поезд маршрутом Москва-Адлер, прибудет через 15 минут». Все мои переживание прошли, и я понял что скоро начнутся новые.

Охранники снова заняли своё место, посередине вокзала, но мне было плевать. Я отправлялся туда, где чёрное море разболтает во мне разврат и хаос. Пучина алкоголя ждала меня там, и я это знал. Страшная жажда нахлынула на меня, вместе с волнением. На вокзале появился бездомный с кружкой в руках.

– Бог подаст, – сказал ему один здоровяк.

Мне стало его жаль.

Секунды тикали и поезд вдувал воздухом по всем своим гудкам. Я услышал его, и встал со скамьи. Он показался из далека. Несясь на крыльях электричества, он брызгал вверх искры и гудел. И гудел. Я схватил в руки сумку, и достал свой билет. Шестой вагон, пятнадцатое место. Нижнее.

Казалось поезд не собирается останавливаться, люди бежали то назад то вперёд, соображая где остановиться их вагон. Это был сверхсовременный локомотивный состав, напичканный электроникой, от головы до задницы. На каждом вагоне блестели цифры. Мой шестой проскочил вперёд, мимо меня. Бегом, перескакивая брусчатку, и с высунутым языком, я подскочил к огромному, двухэтажному вагону. Женщина в форме взяла мой билет, посмотрела и отдала обратно. Поднявшись наверх, я очутился в фешенебельном вагоне. Класс. Первый класс. Своё купе я нашёл. Там сидели двое. Мужчина и женщина, муж и жена. Я бросил свою сумку на лежак и сел. Пора успокоиться.

– Через минуту отправляемся, – крикнула проводница.

Я устремился в окно, разглядывая перрон, вокзал, синее небо. Когда вагон качнулся, перрон и вокзал начали двигаться в противоположную сторону. Через минуту, они вовсе исчезли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.